

V - Вампирский код чести

Катерина Пламенная

18+

Катерина Пламенная

V - Вампирский код чести

<https://litres.ru/73854543>

SelfPub; 2026

Аннотация

Врач Анна верила только в то, что можно пощупать и доказать. Ее жизнь — ночные дежурства в больнице и спасение чужих жизней. Однажды ночью в приемный покой доставляют мужчину с пулевым ранением. Красивого, смертельно опасного и... холодного, как сама смерть. Его глаза, темные как бездонная ночь, видят ее насквозь. Его кожа бледна, а в жилах течет не кровь, а древняя сила.

Случайно став его спасительницей, Анна оказывается втянута в мир, о котором читала лишь в страшных сказках. Мир вампирских кланов, мафиозных разборок и древних законов. Дамиан, вампир-мафиози с тяжелым прошлым, чья душа окутана тьмой, а сердце сковано льдом. Он — жесткий, циничный, не знающий пощады. Она же совсем другая.

Их чувства вспыхивают медленно, как тлеющий уголек, чтобы потом разгореться в огненную бурю. Сможет ли ее нежность растопить лед в его сердце? И какой ценой им придется заплатить за свою любовь в мире, где выживает сильнейший?

Содержание

Глава 1. Ночной визит	4
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Катерина Пламенная

V - Вампирский код чести

Глава 1. Ночной визит

Город ночи встречал Анну безмолвным укором. Он не спал, он притворялся. Стекло и бетон его небоскребов, пронзенных холодным светом уличных фонарей, казалось, впитывало саму тьму, становясь ее порталами в мир людей. Это был симбиоз: днем город принадлежал смертным, их суете и надеждам, а ночью — теневым жителям, их тайнам и древним расправам. Анна об этом не знала. Для нее ночной город был просто пустым, безжизненным и чужим пространством, которое нужно было пересечь, чтобы добраться до своего поста — больницы, где она сражалась за жизни, чтобы хоть как-то компенсировать пустоту в собственной.

Из окна ее машины мир проплывал серой лентой. Она свернула на почти пустую улицу, ведущую к Центральной городской больнице №12, ее руки на руле были уставшими, но твердыми. Еще одна ночная смена. Еще одна битва за чужие жизни, которую она вела с упрямством, которого, казалось, лишен этот город. Включенное радио тихо бубнило о чем-то, но Анна не слушала. Ее мысли были там, за стеной больницы, где пахло страхом и надеждой, где жизнь и смерть

вели свою вечную дуэль, а она была лишь секундантом.

Парковка у больницы была островом отчуждения, залитым неестественно ярким светом фонарей, от которого тени становились только гуще и чернее. Ее «хэтчбек», выдавший лучшие дни, затих на отведенном месте, будто затаившись вместе с ней. Воздух был холодным и влажным, пахло асфальтом, выхлопными газами и чем-то еще — озоном, будто после грозы, которой не было. Анна потянулась за сумкой с медицинским халатом и термосом с крепким, как смола, чаем — ее верными спутниками в ночных баталиях. Перед тем как выйти, она на секунду задержалась, глядя на свое отражение в стекле: бледное лицо, темные круги под глазами, в которых застыла усталость, и упрямый подбородок. Упрямство — вот что держало ее на плаву.

Войдя в знакомые автоматические двери, ее обняла стерильная прохлада, смешанная с запахом антисептика, отбеливателя и подспудным, едва уловимым ароматом человеческого страдания. Дежурный администратор, Петрович, пожилой мужчина с лицом, испещренным морщинами усталости, лишь кивнул ей, погруженный в мерцание монитора. Его пальцы лениво перебирали клавиши.

— Спокойной ночи, Анна Викторовна, — пробурчал он, не отрывая взгляда от экрана.

— Вам тоже, Иван Петрович, — тихо ответила она.

Тишина в приемном покое была обманчивой; Анна знала — это затишье перед бурей. Ночь в травматологии никогда

не бывала спокойной. Она была похожа на напряженную паузу между ударами сердца города.

Ее кабинет был маленьким островком порядка в хаосе потенциальных катастроф. Комната, три на четыре, с белыми стенами, заставленными шкафами с медикаментами и инструментами. На столе — аккуратная стопка историй болезней, ожидающих ее внимания, фотография матери в простой деревянной рамке — улыбающееся лицо, которого не стало пять лет назад, и засохший букетик лаванды, чей тонкий аромат все еще боролся с больничными запахами. Анна надела белый халат, и это простое действие всегда было для нее ритуалом перевоплощения. Доктор Анна Савельева. Специалист по неотложной помощи. Здесь, в этих стенах, она была не просто женщиной; она была последним рубежом, скальпелем, зажатым в пальцах Судьбы. Она застегнула халат, и мягкая ткань стала ее доспехами.

Первые часы смены прошли в рутинной суете, знакомой до тошноты. Подвыпивший парень с рассеченной бровью, от которого пахло перегаром и дешевым пивом; молодая, испуганная мама с температурающим ребенком, чьи глаза были полны слез; старик с давлением, жаловавшийся на одиночество громче, чем на боль... Анна принимала их всех с тихой, обволакивающей уверенностью. Ее прикосновения были мягкими, голос — ровным и успокаивающим, бархатным покрывалом, наброшенным на острые углы чужой боли. Она умела слушать, и это было порой важнее любого лекарства. Но

за этой мягкостью скрывалась стальная воля. Решение стать врачом пришло к ней после смерти отца, которого не смогли спасти в такой же районной больнице. Он умер от банального аппендицита, который осложнился, и помощь пришла слишком поздно. Она, шестнадцатилетняя, дала себе слово у самой кромки, куда жизнь отступает, бороться до конца за каждого, кто окажется на ее столе. Это была не месть смерти, а долг перед памятью о том, как хрупка жизнь.

И вот, ближе к полуночи, когда город за окном окончательно погрузился в оцепенение, тишину разорвал нарастающий, рычащий гул моторов и резкий, раздирающий слух визг тормозов у входа. Это был не просто звук — это было вторжение. Голоса, резкие, отрывистые и властные, заставили Петровича встрепенуться, как зайца на охоте. Двери распахнулись с такой силой, что одна из стеклянных створок, ударившись об ограничитель, задрожала мелкой дрожью.

В приемный покой ввалилась группа мужчин. Их было пятеро. Они вошли не как люди, а как стая — слаженно, агрессивно, занимая пространство, вытесняя из него воздух. Их движения были отточенными, лишёнными суеты, а взгляды — плоскими, сканирующими помещение, словно оценивая степень угрозы и расставляя приоритеты для ликвидации. Они были одеты в темную, дорогую, но практичную одежду, и на всех были следы недавней борьбы: разорванные костюмы, ссадины на скулах, у одного из них — окровавленная повязка на предплечье.

В центре, на самодельных, но крепких носилках, сколоченных на скорую руку из обломка автомобильной двери, лежал их товарищ. Он был без сознания. Высокий, мощно сложенный мужчина, одетый во все черное. Ткань его рубашки и брюк была безнадежно испорчена — пропитана чем-то темным и густым. Его лицо, бледное до мертвенности и искаженное гримасой боли, все еще сохраняло остатки ледяной, почти скульптурной красоты. Черные волосы, влажные от пота или крови, прилипли к высокому лбу. Он казался изваянием, которое осквернили.

— Врача! Скорее! — крикнул тот, что казался старшим. Его голос был низким, как скрежет камня. Глаза, холодные и пустые, пронзительные, как ледяные иглы, остановились на Анне, выхватив ее из полумрака коридора.

Анна, не дрогнув, сделала шаг вперед, поставив себя между этой стаей и святая святых — перевязочной. «Гангстеры, — молниеносно пронеслось в голове. — Разборки. Обычное дело для пятничной ночи». Но что-то на уровне инстинкта шептало, что это не просто бандиты. В их молчаливой собранности была выверенная дисциплина. В ее лице не дрогнул ни один мускул. Пациент есть пациент. Ее клятва не делала различий.

— Что случилось? — ее голос прозвучал удивительно твердо, без тени страха, ровно и холодно, как сталь скальпеля.

— Пулевое. Два, — отчеканил старший, его взгляд бура-

вил ее, пытаюсь обнаружить слабинку. — Одна пуля навылет в плечо, вторая засела где-то в районе живота. Извлекать нельзя. Только стабилизировать.

Последняя фраза прозвучала как приказ, а не просьба. Анна промолчала, кивнув в сторону перевязочной. Они перенесли раненого на пустой металлический стол. Лязг носилок о стальные ножки прозвучал зловеще громко. Анна привыкла к виду крови, но тут что-то было не так. Цвет... он был темнее, почти черно-бордовым, гуще, словно старая, загустевшая смола. А запах... не просто медь и плоть, а что-то старое, затхлое, словно отсыревшая земля в склепе, ржавое железо и под ним — сладковатый, почти невыносимый аромат распустившейся за ночь дурманящей лилии. Она отбросила странные мысли, списав на стресс и усталость, включив профессиональное внимание, как щелкают тумблером.

— Всех за дверь, — приказала она, надевая стерильные перчатки. Хлопок резины был знаком начала битвы. — Мешаете работать.

Мужчины замаялись, переглянулись. Старший не сводил с нее глаз. Прошла вечность, длиною в три удара ее участвовавшего сердца. Затем он медленно кивнул, и они нехотя, как тени, вышли в коридор, заняв позиции у двери, словно часовые у мавзолея. Дверь закрылась, но Анна чувствовала их присутствие сквозь стену — напряженное, готовое взорваться.

Она осталась наедине с ним. С этим мужчиной. Включи-

ла яркую лампу над столом. Свет упал на его лицо, и она впервые разглядела его должным образом. Он был красив. Неприлично, пугающе красив. Черты лица — идеально выточенные, с высокими скулами, прямым носом, чувственным, даже в бессознании, ртом. Кожа — фарфорово-бледная, почти прозрачная, сквозь нее проступали синие прожилки у висков. Он мог бы сойти за статую, если бы не мучительная гримаса и не та смертельная аура, что исходила от него.

Анна взяла ножницы и начала разрезать одежду. Ткань, дорогая и мягкая, с неприятным шелестом расступалась, обнажая тело. Мускулатура была идеальной, будто выточенной из холодного мрамора мастером, одержимым анатомией. Но кожа была холодной на ощупь. Слишком холодной для живого человека, истекающего кровью. Ее пальцы, привыкшие к горячей, липкой крови, вздрогнули от этого прикосновения. Она нашла пульс на шее. Он был редким, глухим, словно удары огромного подземного колокола, погребенного на многометровой глубине. Ритм был странным, непривычным. Давление, которое она измерила автоматическим тонометром, было аномально низким. Прибор показал 70/40, что для человека с такой кровопотерей было равно смертному приговору. Но он дышал. Неглубоко, прерывисто, но дышал.

— Как его зовут? — спросила она, больше для того, чтобы развеять зловещую тишину, очищая рану на плече антисептиком.

— Дамиан, — донеслось из-за двери, голос был приглушен стеклом, но в нем слышалась тревога.

Рана на плече была аккуратной, входное и выходное отверстие. Пуля прошла навывлет, не задев костей и артерий. Невероятное везение. Или... расчет? Она сосредоточилась на животе. Вот где была главная проблема. Рана зияла, темная и глубокая. Анна взяла пинцет и расширитель. Ее движения были выверенными, автоматическими. Но когда она проникла внутрь, чтобы найти пулю, ее охватило странное чувство. Мышцы под ее пальцами не были просто поврежденной тканью. Они были плотными, упругими, словно переплетенные стальные тросы. Они сопротивлялись, сжимались с нечеловеческой, пугающей скоростью. Пуля сидела глубоко, зацепившись за что-то очень плотное. И самое жуткое — края раны, которые должны были обильно кровоточить, уже начинали стягиваться, будто под воздействием невидимого, но мощного пламени каутера. По краям ткани были обуглены, словно их коснулось раскаленное железо. Это было невозможно. Противоречило всем законам физиологии, всему, что она изучала, во что верила.

И в этот момент его рука, сильная и ледяная, как сталь зимней ночью, схватила ее за запястье.

Движение было молниеносным, абсолютно контролируемым, лишенным слабости раненого. Анна вздрогнула всем телом, но не отдернула руку. Ее взгляд, полный шока и неподдельного ужаса, встретился с его.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.